

**Задания для регионального этапа Всероссийской олимпиады
школьников по литературе (2011-2012 учебный год)**

Региону предоставляется выбор из двух вариантов для каждого класса

9 класс

Вариант 1

Комплексный анализ прозаического произведения

А.М. Ремизов

Николина сумка

I

Шел солдат с войны домой. Дошел до часовни, вспомнил – завещана у него была Николе свечка, поставил свечку, и денег у него уж ни копейки.

Идет перелеском, есть захотелось сильно, а жилья близ нету. И так ему горько: изойдет он голодом, не дойти и до дому на свою землю.

И вдруг едет конь вороной, на коне детина, ест пирог с яйцами и говядиной – пирог теплый, только парок идет. Поровнялись.

– Дай пирожка закусить! – просит солдат.

– Давай три копейки, половину отломлю.

– Денег у меня нету, а солдату не грех и так дать.

А тот дернул лошадь и поехал, сам подьедает пирог вкусно.

И пошел солдат ни с чем, где грибок сломает, где корочку сдерет, сочку поскоблит руками. Так и шел и вышел на дорогу, а от сырья все нутро переворачивает.

«Экий бессовестный, не дал мне пирога!» – пенял солдат.

И так ему горько, вот упадет, не дойти и до дому на свою землю.

И видит, из-за кривуля идет старичок. Поровнялись. Поклонился солдат старику, а старик солдату. И разошлись.

Доходит солдат до кривуля, лежит сумочка. Поднял сумку:

«Видно, старичок потерял!» – да с сумкой назад.

– Сумку потерял! – кричит, – сумку потерял!

А уж старичка не видно нигде.

Ну, не бросать же добро, и взял себе солдат сумку.

Идет солдат дорогою, в нутре сверлит, есть хочется.

«Что-то в сумке, дай посмотрю, не хлеб ли?»

Развязал сумку – хлеба два куска лежат. Вынул хлеб, позаправился.

«Кваску бы испить!»

Пошарил в сумке – бутылка. Вынул бутылку – квас. Вот так сумка!
Попил кваску всласть и весело пошел: теперь-то дойдет на свою землю.

II

Доходит солдат до усадьбы. Поставлен новый дом – большое здание, а рамы все переломаны, на крыше воронье.

«Какое здание, и пустует!» – загляделся солдат и в толк не возьмет.

Постоял и пошел. Навстречу староста.

– Чей это дом, дедушка?

– Нашего барина дом.

– Что же в нем не живут?

– А работали мастера с барином, сам барин старался, и невесть с чего полон дом насажали чертей, оттого и не живут.

– А что бы их оттуда проводить, из дома?

– Возьмешься, барин спасибо скажет.

– Попробую. И не такое гоняли!

Староста побежал к барину.

– Берется солдат вывести чертей из дому.

– Слава Богу, коли берется! Возьми его к себе и, что ему нужно, то и дай.

Вернулся староста от барина и повел к себе солдата.

Сели обедать. И до самого вечера все сидели, рассказывал староста о доме да о чертях домашних.

Надо солдату идти в дом чертей выгонять. А староста и проводить отказывается.

– У нас, – говорит, – о эту пору не то что к дому, а и около никто не ходит. Игнашка, внучонок, взялся воронье спугнуть: подставил лестницу, а они его оттуда как шуркнут, что душа вон. Игнашка и до сей поры у чертей там.

Ну, что поделаешь! Наказал солдат старосте, чтобы как можно горячее кузнецы грели горна, а сам взял солому, ключи и для случая топор, зажег фонарик и пошел один.

И в дому том отпер дверь и поднялся по лестнице.

III

Ходит солдат по комнатам и все поахивает:

– Проклятая сила, какое здание завладела!

Вошел в самую заднюю комнату, затворил за собою плотно двери, разостлал солому, окрестился, сумочку под голову, лег и задремал.

И слышит, по дому пошел шум, стон.

Вот какой-то подбежал к дверям, кричит:

«Ребята, – кричит, – это кто-то есть».

И набежало много, скребутся.

«Ой, – запищал один, – солдатишко!»

«Не солдатишко, а солдат, Иван Силантьевич Тарасов, – прикрикнул солдат, – воевал за Россию, слышите, черти! Убирайтесь вон, пока целы!»

Отвалились от двери, и в доме все затихло.

И снится солдату, как бы держит он бутылку и наливает стакан вина и только сказать «Господи благослови» и пить, хватать, а вместо стакана топор у него в руках. И идет, в котором полку он служил, генерал и с ним мать и отец его, старики.

«Ты, Тарасов, что ж это сбежал?»

Мать и отец просят:

«Ступай, Ванюшка, послужи!»

«Нет, ему не жаль вас, – говорит генерал, – эй, вздуйте их хорошенько!»

И откуда ни взялись три кривых бесенка и ну ломать и рвать стариков.

Заплакали старые и опять просят:

«Вернись!»

«Да у меня руки нет и грудь прострелена!» – отвечает солдат и глазам не верит: рука на месте и дышать легко.

А те рассмеялись и побежали прочь.

Солдат раскрыл глаза: своды у дома раздвинулись, и, как паук, спускается на него тот самый детина, что пирога ему не дал, спускается пауком, путает, и уж дышать стало трудно. И пало в ум солдату, сгреб он сумку, да паука и толкнул.

Паук обернулся кошкой. Он ее за хвост да в сумку. И с сумкой бежать.

Прибежал солдат в кузницу, положил сумку на наковальню. А в горне до того горит, что страсть. Да как лопнул, кувалда вылетела. Схватил другую.

– Аминь, говорит, и давай шлеять: что кокнет, то аминь.

Исколотил всего черта, вышел из кузницы, вытряхнул из сумки пепелок один только.

– Ну а теперь можешь идти, кузнец, спать, и я пойду.

И вернулся в дом в самую заднюю комнату и на те же три обмолотка лег и спал до утра, ничего не слышал.

Наутро пришел солдат к старосте.

– Ступай-ка, дедушка, смотри-ка, в доме все изломано.

– Мы это знаем уж.

Скажи барину, что чертей я выгнал.

Обрадовался барин и сейчас же с солдатом в дом, прошли по всем комнатам, нашли костье Игнашкино, а чертей и в помине нет – все ушли.

На радостях не хочет барин отпускать солдата.

– Сколько хочешь бери, оставайся!

А солдату домой хочется, к старикам, на родную землю.

Дал ему барин денег, запряг тройку, и поехал солдат домой на тройке. И там живет хорошо, слава Богу.

1915

Вариант 2

Анализ поэтического произведения

И.С. Аксаков

Усталых сил я долго не жалел;
Не упрекнул бездействием позорным
Мою тоску; как труженик, умел
Работать я с усердием упорным.

Моей душе те годы не легки;
Скупым трудом не брезгал я лукаво,
И, мнится мне, досуга и тоски
Купил себе я дорогое право!..

В былые дни поэта чаровал
Блаженства сон, эдем в неясной дали...
Почуяв ложь, безумец тосковал,
И были нам смешны его печали!

И, осмеяв его бессильный плач,
Я в жизнь вступил путем иных мечтаний:
К трудам благим, к решению задач,
На жаркий бой, на подвиг испытаний

Все помыслы, все силы, всю любовь
Направил я и гром далекий слышал!..
Лгала и ты, о молодая кровь.
Исчез обман, едва я в поле вышел!

И понял я, что спит желанный гром,
Что вместо битв нередко с бранным духом
За комаром бежим мы с топором,
За мухою гоняемся с обухом!

И понял я, что подвигов живых,
Блестящих жертв, борьбы великодушной
Пора прошла, – и нам в замену их
Борьбы глухой достался подвиг скучный!

Отважных сил не нужно в наши дни!
И юности лукавые порывы
Опасны нам, – затем, что все они
Так хороши, так ярки, так красивы!..

Есть путь иной, где вера не легка:
Сгорает в нем порыва скорый пламень;
Есть долгий труд, есть подвиг червяка:
Он точит дуб... Долбит и капля камень.

Невзрачный путь! тебе я верен был!
Лишен ты всей отрады упоенья,
И дерзко я на сердце наложил
Тяжелый гнет упорного терпенья!..

Но слышно мне порой, в тиши работ,
Что бурных сил не укротило время!..
Когда же власть, скажи, твоя пройдет,
О молодость, о тягостное бремя?

Ярославль. 23 ноября 1850 г.

**Задания для регионального этапа Всероссийской олимпиады
школьников по литературе (2011-2012 учебный год)**

Региону предоставляется выбор из двух вариантов для каждого класса

10 класс

Вариант 1

Комплексный анализ прозаического произведения

Д.Н. Мамин-Сибиряк

Приемыш

(Из рассказов старого охотника)

I

Дождливый летний день. Я люблю в такую погоду бродить по лесу, особенно когда впереди есть теплый уголок, где можно обсушиться и обогреться. Да к тому же летний дождь – теплый. В городе в такую погоду – грязь, а в лесу земля жадно впитывает влагу, и вы идете по чуть отсыревшему ковру из прошлогоднего палого листа и осыпавшихся игл сосны и ели. Деревья покрыты дождевыми каплями, которые сыплются на вас при каждом движении. А когда выглянет солнце после такого дождя, лес так ярко зеленеет и весь горит алмазными искрами. Что-то праздничное и радостное кругом вас, и вы чувствуете себя на этом празднике желанным, дорогим гостем.

Именно в такой дождливый день я подходил к Светлому озеру, к знакомому сторожу на рыбацкой сайме¹ Тарасу. Дождь уже редел. На одной стороне неба показались просветы, еще немножко - и покажется горячее летнее солнце. Лесная тропинка сделала крутой поворот, и я вышел на отлогий мыс, вдававшийся широким языком в озеро. Собственно, здесь было не самое озеро, а широкий проток между двумя озерами, и сайма приткнулась в излучине на низком берегу, где в заливчике ютились рыбацкие лодки. Проток между озерами образовался благодаря большому лесистому острову, разлегшемуся зеленой шапкой напротив саймы.

Мое появление на мысу вызвало сторожевой оклик собаки Тараса, - на незнакомых людей она всегда лаяла особенным образом, отрывисто и резко,

¹ Саймой на Урале называют рыбацкие стоянки. (Примеч. автора.)

точно сердито спрашивала: "Кто идет?" Я люблю таких простых собачонок за их необыкновенный ум и верную службу...

Рыбачья избушка издали казалась повернутой вверх дном большой лодкой, – это горбилась старая деревянная крыша, проросшая веселой зеленой травой. Кругом избушки поднималась густая поросль из иван-чая, шалфея и "медвежьих дудок", так что у подходившего к избушке человека виднелась одна голова. Такая густая трава росла только по берегам озера, потому что здесь достаточно было влаги и почва была жирная.

Когда я подходил уже совсем к избушке, из травы кубарем вылетела на меня пестрая собачонка и залилась отчаянным лаем.

– Соболько, перестань... Не узнал?

Соболько остановился в раздумье, но, видимо, еще не верил в старое знакомство. Он осторожно подошел, обнюхал мои охотничьи сапоги и только после этой церемонии виновато завилал хвостом. Дескать, виноват, ошибся, – а все-таки я должен стеречь избушку.

Избушка оказалась пустой. Хозяина не было, то есть он, вероятно, отправился на озеро осматривать какую-нибудь рыболовную снасть. Кругом избушки все говорило о присутствии живого человека: слабо курившийся огонек, охапка только что нарубленных дров, сушившаяся на кольях сеть, топор, воткнутый в обрубок дерева. В приотворенную дверь саймы виднелось все хозяйство Тараса: ружье на стене, несколько горшков на припечке, сундучок под лавкой, развешанные снасти. Избушка была довольно просторная, потому что зимой во время рыбного лова в ней помещалась целая артель рабочих. Летом старик жил один. Несмотря ни на какую погоду, он каждый день жарко натапливал русскую печь и спал на полатах. Эта любовь к теплу объяснялась почтенным возрастом Тараса: ему было около девяноста лет. Я говорю "около", потому что сам Тарас забыл, когда он родился. "Еще до француза", как объяснял он, то есть до нашествия французов в Россию в 1812 году.

Сняв намокшую куртку и развесив охотничьи доспехи по стенке, я принялся разводить огонь. Соболько вертелся около меня, предчувствуя какую-нибудь поживу. Весело разгорелся огонек, пустив кверху синюю струйку дыма. Дождь уже прошел. По небу неслись разорванные облака, роняя редкие капли. Кое-где синели просветы неба. А потом показалось и солнце, горячее июльское солнце, под лучами которого мокрая трава точно задымилась. Вода в озере стояла тихо-тихо, как это бывает только после дождя. Пахло свежей травой, шалфеем, смолистым ароматом недалеко стоявшего сосняка. Вообще хорошо, как только может быть хорошо в таком глухом лесном уголке. Направо, где кончался проток, синела гладь Светлого озера, а за зубчатой каймой поднимались горы. Чудный уголок! И недаром старый Тарас прожил здесь целых сорок лет. Где-нибудь в городе он не прожил бы и половины, потому что в городе не купишь ни за какие деньги такого чистого воздуха, а главное - этого спокойствия, которое охватывало здесь. Хорошо на сайме!.. Весело горит яркий огонек; начинает припекать горячее солнце, глазам больно смотреть на сверкающую даль чудного озера.

Так сидел бы здесь и, кажется, не расстался бы с чудным лесным привольем. Мысль о городе мелькает в голове, как дурной сон.

В ожидании старика я прикрепил на длинной палке медный походный чайник с водой и повесил его над огнем. Вода уже начинала кипеть, а старика все не было.

– Куда бы ему деться? – раздумывал я вслух. – Снасти осматривают утром, а теперь полдень... Может быть, поехал посмотреть, не ловит ли кто рыбу без спроса... Соболю, куда девался твой хозяин?

Умная собака только виляла пушистым хвостом, облизывалась и нетерпеливо взвизгивала. По наружности Соболю принадлежал к типу так называемых "промысловых" собак. Небольшого роста, с острой мордой, стоячими ушами и загнутым вверх хвостом, он, пожалуй, напоминал обыкновенную дворнягу с той разницей, что дворняга не нашла бы в лесу белки, не сумела бы "облаять" глухаря, выследить оленя, – одним словом, настоящая промысловая собака, лучший друг человека. Нужно видеть такую собаку именно в лесу, чтобы в полной мере оценить все ее достоинства.

Когда этот "лучший друг человека" радостно взвизгнул, я понял, что он завидел хозяина. Действительно, в протоке черной точкой показалась рыбацья лодка, огибавшая остров. Это и был Тарас... Он плыл, стоя на ногах, и ловко работал одним веслом – настоящие рыбаки все так плавают на своих лодках-однодеревках, называемых не без основания "душегубками". Когда он подплыл ближе, я заметил, к удивлению, плывшего перед лодкой лебедя.

– Ступай домой, гуляка! – ворчал старик, подгоняя красиво плывшую птицу. – Ступай, ступай... Вот я тебе дам – уплывать Бог знает куда... Ступай домой, гуляка!

Лебедь красиво подплыл к сайме, вышел на берег, встряхнулся и, тяжело переваливаясь на своих кривых черных ногах, направился к избушке.

II

Старик Тарас был высокого роста, с окладистой седой бородой и строгими большими серыми глазами. Он все лето ходил босой и без шляпы. Замечательно, что у него все зубы были целы и волосы на голове сохранились. Загорелое широкое лицо было изборождено глубокими морщинами. В жаркое время он ходил в одной рубахе из крестьянского синего холста.

– Здравствуй, Тарас!

– Здравствуй, барин!

– Откуда Бог несет?

– А вот за Приемышем плавал, за лебедем... Все тут вертелся в протоке, а потом вдруг и пропал... Ну, я сейчас за ним. Выехал в озеро – нет; по заводям проплыл – нет; а он за островом плавает.

– Откуда достал-то его, лебедя?

– А Бог послал, да!.. Тут охотники из господ наезжали; ну, лебедя с лебедушкой и пристрелили, а вот этот остался. Забился в камыши и сидит. Летать-то не умеет, вот и спрятался ребячьим делом. Я, конечно, ставил сети подле камышей, ну и поймал его. Пропадет один-то, ястреба заедят, потому как смыслу в ем еще настоящего нет. Сиротой остался. Вот я его привез и держу. И он тоже привык... Теперь вот скоро месяц будет, как живем вместе. Утром на заре поднимется, поплавает в протоке, покормится, потом и домой. Знает, когда я встаю, и ждет, чтобы покормили. Умная птица, одним словом, и свой порядок знает.

Старик говорил необыкновенно любовно, как о близком человеке. Лебедь приковылял к самой избушке и, очевидно, выжидал какой-нибудь подачки.

– Улетит он у тебя, дедушка... – заметил я.

– Зачем ему лететь? И здесь хорошо: сыт, кругом вода...

– А зимой?

– Перезимует вместе со мной в избушке. Места хватит, а нам с Собольком веселей. Как-то один охотник забрел ко мне на сайму, увидел лебедя и говорит вот так же: "Улетит, ежели крылья не подрежешь". А как же можно увечить божью птицу? Пусть живет, как ей от господа указано... Человеку указано одно, а птице – другое... Но возьму я в толк, зачем господа лебедей застрелили. Ведь и есть не станут, а так, для озорства...

Лебедь точно понимал слова старика и посматривал на него своими умными глазами.

– А как он с Собольком? - спросил я.

– Сперва-то боялся, а потом привык. Теперь лебедь-то в другой раз у Соболька и кусок отнимает. Пес заворчит на него, а лебедь его - крылом. Смешно на них со стороны смотреть. А то гулять вместе отправятся: лебедь по воде, а Соболько – по берегу. Пробовал пес плавать за ним, ну, да ремесло-то не то: чуть не потонул. А как лебедь уплывет, Соболько ищет его. Сядет на бережку и воет... Дескать, скучно мне, псу, без тебя, друг сердешный. Так вот и живем втроем.

Я очень любил старика. Рассказывал уж он очень хорошо и знал много. Бывают такие хорошие, умные старики. Много летних ночей приходилось коротать на сайме, и каждый раз узнаешь что-нибудь новое. Прежде Тарас был охотником и знал места кругом верст за пятьдесят, знал всякий обычай лесной птицы и лесного зверя; а теперь не мог уходить далеко и знал одну свою рыбу. На лодке плавать легче, чем ходить с ружьем по лесу, а особенно по горам. Теперь ружье оставалось у Тараса только по старой памяти да на всякий случай, если бы забежал волк. По зимам волки заглядывали на сайму и давно уже точили зубы на Соболька. Только Соболько был хитер и не давался волкам.

Я остался на сайме на целый день. Вечером ездили удить рыбу и ставили сети на ночь. Хорошо Светлое озеро, и недаром оно названо Светлым, – вода в нем совершенно прозрачная, так что плывешь на лодке и видишь все дно на глубине несколько сажен. Видны и пестрые камешки, и

желтый речной песок, и водоросли, видно, как и рыба ходит "руном", то есть стадом. Таких горных озер на Урале сотни, и все они отличаются необыкновенной красотой. От других Светлое озеро отличалось тем, что прилегало к горам только одной стороной, а другой выходило "в степь", где начиналась благословенная Башкирия. Кругом Светлого озера разлеглись самые привольные места, а из него выходила бойкая горная река, разливавшаяся по степи на целую тысячу верст. Длинной озеро было до двадцати верст, да в ширину около девяти. Глубина достигала в некоторых местах сажен пятнадцати... Особенную красоту придавала ему группа лесистых островов. Один такой островок отделился на самую середину озера и назывался Голодаем, потому что, попав на него в дурную погоду, рыбаки не раз голодали по нескольку дней.

Тарас жил на Светлом уже сорок лет. Когда-то у него были и своя семья и дом, а теперь он жил бобылем. Дети перемерли, жена тоже умерла, и Тарас безвыходно оставался на Светлом по целым годам.

– Не скучно тебе, дедушка? - спросил я, когда мы возвращались с рыбной ловли. – Жутко одинокому-то в лесу...

– Одному? Тоже и скажет барин... Я тут князь князем живу. Все у меня есть... И птица всякая, и рыба, и трава. Конечно, говорить они не умеют, да я-то понимаю все. Сердце радуется в другой раз посмотреть на божью тварь... У всякой свой порядок и свой ум. Ты думаешь, зря рыбка плавает в воде или птица по лесу летает? Нет, у них заботы не меньше нашего... Эвон, погляди, лебедь-то дожидается нас с Соболяком. Ах, прокурат!..

Старик ужасно был доволен своим Приемышем, и все разговоры в конце концов сводились на него.

– Гордая, настоящая царская птица, – объяснил он. – Помани его кормом да не дай, в другой раз и не пойдет. Свой характер тоже имеет, даром что птица... С Соболяком тоже себя очень гордо держит. Чуть что, сейчас крылом, а то и носом долбанет. Известно, пес в другой раз созорничать захочет, зубами норовит за хвост поймать, а лебедь его по морде... Это тоже не игрушка, чтобы за хвост хватать.

Я переночевал и утром на другой день собрался уходить.

– Ужо по осени приходи, – говорит старик на прощанье. – Тогда рыбу лучить будем с острогой... Ну, и рябчиков постреляем. Осенний рябчик жирный.

– Хорошо, дедушка, приеду как-нибудь.

Когда я отходил, старик меня вернул:

– Посмотри-ка, барин, как лебедь-то разыгрался с Соболяком...

Действительно, стоило полюбоваться оригинальной картиной. Лебедь стоял, раскрыв крылья, а Соболяком с визгом и лаем нападавал на него. Умная птица вытягивала шею и шипела на собаку, как это делают гуси. Старый Тарас от души смеялся над этой сценой, как ребенок.

В следующий раз я попал на Светлое озеро уже поздней осенью, когда выпал первый снег. Лес и теперь был хорош. Кое-где на березах еще оставался желтый лист. Ель и сосны казались зеленее, чем летом. Сухая осенняя трава выглядывала из-под снега желтой щеткой. Мертвая тишина царила кругом, точно природа, утомленная летней кипучей работой, теперь отдыхала. Светлое озеро казалось больше, потому что не стало прибрежной зелени. Прозрачная вода потемнела, и в берег с шумом била тяжелая осенняя волна...

Избушка Тараса стояла на том же месте, но казалась выше, потому что не стало окружавшей ее высокой травы. Навстречу мне выскочил тот же Соболько. Теперь он узнал меня и ласково завилял хвостом еще издали. Тарас был дома. Он чинил невод для зимнего лова.

– Здравствуй, старина!..

– Здравствуй, барин!

– Ну, как поживаешь?

– Да ничего... По осени-то, к первому снегу, прихворнул малость. Ноги болели... К непогоде у меня завсегда так бывает.

Старик действительно имел утомленный вид. Он казался теперь таким дряхлым и жалким. Впрочем, это происходило, как оказалось, совсем не от болезни. За чаем мы разговорились, и старик рассказал свое горе.

– Помнишь, барин, лебедя-то?

– Приемыша?

– Он самый... Ах, хороша была птица!.. А вот мы опять с Собольком остались одни... Да, не стало Приемыша.

– Убили охотники?

– Нет, сам ушел... Вот как мне обидно это, барин!.. Уж я ли, кажется, не ухаживал за ним, я ли не водился!.. Из рук кормил... Он ко мне и на голос шел. Плавает он по озеру, – я его кликну, он и подплывает. Ученая птица. И ведь совсем привыкла... да!.. Уж в заморозки грех вышел. На перелете стадо лебедей спустилось на Светлое озеро. Ну, отдыхают, кормятся, плавают, а я люблюсь. Пусть божья птица с силой соберется: не близкое место лететь... Ну, а тут и вышел грех. Мой-то Приемыш сначала сторонился от других лебедей: подплывет к ним, и назад. Те гогочут по-своему, зовут его, а он домой... Дескать, у меня свой дом есть. Так дня три это у них было. Все, значит, переговариваются по-своему, по-птичьему. Ну, а потом, вижу, мой Приемыш затосковал... Вот все равно как человек тоскует. Выйдет это на берег, встанет на одну ногу и начнет кричать. Да ведь как жалобно кричит... На меня тоску нагонит, а Соболько, дурак, волком воет. Известно, вольная птица, кровь-то сказалась...

Старик замолчал и тяжело вздохнул.

– Ну, и что же, дедушка?

– Ах, и не спрашивай... Запер я его в избушку на целый день, так он и тут донял. Станет на одну ногу у самой двери и стоит, пока не сгонишь его с места. Только вот не скажет человеческим языком: "Пусти, дедушки, к

товарищам. Они-то в теплую сторону полетят, а что я с вами тут буду зимой делать?" Ах, ты, думаю, задача! Пустить – улетит за стадом и пропадет...

– Почему пропадет?

– А как же?.. Те-то на вольной воле выросли. Их, молодые которые, отец с матерью летать выучили. Ведь ты думаешь, как у них? Подрастут лебедята, – отец с матерью выведут их сперва на воду, а потом начнут учить летать. Исподволь учат: все дальше да дальше. Своими глазами я видел, как молодых обучают к перелету. Сначала особняком учат, потом небольшими стаями, а потом уже сгрудятся в одно большое стадо. Похоже на то, как солдат муштруют... Ну, а мой-то Приемыш один вырос и, почитай, никуда не летал. Поплавать по озеру – только и всего ремесла. Где же ему перелететь? Выбьется из сил, отстанет от стада и пропадет... Непривычен к дальнему лету.

Старик опять замолчал.

– А пришлось выпустить, – с грустью заговорил он. – Все равно, думаю, ежели удержу его на зиму, затоскует и схиреет. Уж птица такая особенная. Ну, и выпустил. Пристал мой Приемыш к стаду, поплавал с ним день, а к вечеру опять домой. Так два дня приплывал. Тоже, хоть и птица, а тяжело с своим домом расставаться. Это он прощаться плавал, барин... В последний-то раз отплыл от берега этак сажень на двадцать, остановился и как, братец ты мой, крикнет по-своему. Дескать: "Спасибо за хлеб, за соль!.." Только я его и видел. Остались мы опять с Соболюком одни. Первое-то время сильно мы оба тосковали. Спрошу его: "Соболюк, а где наш Приемыш?" А Соболюк сейчас выть... Значит, жалеет. И сейчас на берег, и сейчас искать друга милого... Мне по ночам все грезилось, что Приемыш-то тут вот полощется у берега и крылышками хлопает. Выйду – никого нет...

Вот какое дело вышло, барин.

1891

Вариант 2

Сопоставительный анализ поэтических произведений

А.А. Апухтин

Актеры

Минувшей юности своей
Забыв волненья и измены,
Отцы уж с отроческих дней
Подготавливают нас для сцены.-

Нам говорят: "Ничтожен свет,
В нем все злодеи или дети,
В нем сердца нет, в нем правды нет,
Но будь и ты как все на свете!"
И вот, чтоб выйти напоказ,
Мы наряжаемся в уборной;
Пока никто не видит нас,
Мы смотрим гордо и задорно.
Вот вышли молча и дрожим,
Но оправляемся мы скоро
И с чувством роли говорим,
Украдкой глядя на суфлера.
И говорим мы о добре,
О жизни честной и свободной,
Что в первой юности поре
Звучит тепло и благородно;
О том, что жертва – наш девиз,
О том, что все мы, люди, – братья,
И публике из-за кулис
Мы шлем горячие объятья.
И говорим мы о любви,
К неверной простирая руки,
О том, какой огонь в крови,
О том, какие в сердце муки;
И сами видим без труда,
Как Дездемона наша мило,
Лицо закрывши от стыда,
Чтоб побледнеть, кладет белила.
Потом, не зная, хороши ль
Иль дурны были монологи,
За бестолковый водевиль
Уж мы беремся без тревоги.
И мы смеемся надо всем,
Тряся горбом и головою,
Не замечая между тем,
Что мы смеялись над собою!
Но холод в нашу грудь проник,
Устали мы – пора с дороги:
На лбу чуть держится парик,
Слезает горб, слабеют ноги...
Конец. – Теперь что ж делать нам?
Большая зала опустела...
Далеко автор где-то там...
Ему до нас какое дело?
И, сняв парик, умыв лицо,

Одежды сбросив шутовские,
Мы все, усталые, больные,
Лениво сходим на крыльцо.
Нам тяжело, нам больно, стыдно,
Пустые улицы темны,
На черном небе звезд не видно -
Огни давно погашены...
Мы зябнем, стынем, изнывая,
А зимний воздух недвижим,
И обнимает ночь глухая
Нас мертвым холодом своим.
1861

А.К. Толстой

* * *²

Довольно! Пора мне забыть этот вздор,
Пора мне вернуться к рассудку!
Довольно с тобой, как искусный актер,
Я драму разыгрывал в шутку!

Расписаны были кулисы пестро,
Я так декламировал страстно,
И мантии блеск, и на шляпе перо,
И чувства – все было прекрасно.

Но вот, хоть уж сбросил я это тряпье,
Хоть нет театрального хламу,
Доселе болит еще сердце мое,
Как будто играю я драму.

И что я поддельною болью считал,
То боль оказалась живая –
О Боже, я раненый насмерть играл,
Гладьятора смерть представляя!

1868

² Перевод стихотворения Г. Гейне "Nun ist es Zeit, das ich mit Verstand".

**Задания для регионального этапа Всероссийской олимпиады
школьников по литературе (2011-2012 учебный год)**

Региону предоставляется выбор из двух вариантов для каждого класса

11 класс

Вариант 1

Комплексный анализ прозаического произведения

В.Т. Шаламов

Апостол Павел

Когда я вывихнул ступню, сорвавшись в шурфе со скользкой лестницы из жердей, начальству стало ясно, что я прохромаю долго, и так как без дела сидеть было нельзя, меня перевели помощником к нашему столяру Адаму Фризоргеру, чему мы оба – и Фризоргер и я – были очень рады.

В своей первой жизни Фризоргер был пастором в каком-то немецком селе близ Маркштадта на Волге. Мы встретились с ним на одной из больших пересылок во время тифозного карантина и вместе приехали сюда, в угольную разведку. Фризоргер, как и я, уже побывал в тайге, побывал и в доходягах и полусумасшедшим попал с прииска на пересылку. Нас отправили в угольную разведку как инвалидов, как обслугу – рабочие кадры разведки были укомплектованы только вольнонаемными. Правда, это были вчерашние заключенные, только что отбывшие свой "термин", или срок, и называвшиеся в лагере полупрезрительным словом "вольняшки". Во время нашего переезда у сорока человек этих вольнонаемных едва нашлось два рубля, когда понадобилось купить махорку, но все же это был уже не наш брат. Все понимали, что пройдет два-три месяца, и они приоденутся, могут выпить, паспорт получают, может быть, даже через год уедут домой. Тем ярче были эти надежды, что Парамонов, начальник разведки, обещал им огромные заработки и полярные пайки. "В цилиндрах домой поедете", – постоянно твердил им начальник. С нами же, арестантами, разговоров о цилиндрах и полярных пайках не заводилось.

Впрочем, он и не грубил нам. Заключенных ему в разведку не давали, и пять человек в обслугу – это было все, что Парамонову удалось выпросить у начальства.

Когда нас, еще не знавших друг друга, вызвали из барачков по списку и доставили перед его светлыми и пронизательными очами, он остался весьма доволен опросом. Один из нас был печник, седоусый остряк ярославец Изгибин, не потерявший природной бойкости и в лагере. Мастерство ему давало кое-какую помощь, и он не был так истощен, как остальные. Вторым был одноглазый гигант из Каменец-Подольска – "паровозный кочегар", как он отрекомендовался Парамонову.

– Слесарить, значит, можешь маленько, – сказал Парамонов.

– Могу, могу, – охотно подтвердил кочегар. Он давно сообразил всю выгодность работы в вольнонаемной разведке.

Третьим был агроном Рязанов. Такая профессия привела в восторг Парамонова. На рваное тряпье, в которое был одет агроном, не было обращено, конечно, никакого внимания. В лагере не встречают людей по одежке, а Парамонов достаточно знал лагерь.

Четвертым был я. Я не был ни печником, ни слесарем, ни агрономом. Но мой высокий рост, по-видимому, успокоил Парамонова, да и не стоило возиться с исправлением списка из-за одного человека. Он кивнул головой.

Но наш пятый повел себя очень странно. Он бормотал слова молитвы и закрывал лицо руками, не слыша голоса Парамонова. Но и это начальнику не было внове. Парамонов повернулся к нарядчику, стоявшему тут же и державшему в руках желтую стопку скоросшивателей – так называемых "личных дел".

– Это столяр, – сказал нарядчик, угадывая вопрос Парамонова. Прием был закончен, и нас увезли в разведку.

Фризоргер после рассказывал мне, что, когда его вызвали, он думал, что его вызывают на расстрел, так его запугал следователь еще на прииске. Мы жили с ним целый год в одном барачке, и не было случая, чтобы мы поругались друг с другом. Это редкость среди арестантов и в лагере, и в тюрьме. Ссоры возникают по пустякам, мгновенно ругань достигает такого градуса, что кажется – следующей ступенью может быть только нож или, в лучшем случае, какая-нибудь кочерга. Но я быстро научился не придавать большого значения этой пышной ругани. Жар быстро спадал, и если оба продолжали еще долго лениво отругиваться, то это делалось больше для порядка, для сохранения "лица".

Но с Фризоргером я не ссорился ни разу. Я думаю, что в этом была заслуга Фризоргера, ибо не было человека мирнее его. Он никого не оскорблял, говорил мало. Голос у него был старческий, дребезжащий, но какой-то искусственно, подчеркнуто дребезжащий. Таким голосом говорят в театре молодые актеры, играющие стариков. В лагере многие стараются (и

небезуспешно) показать себя старше и физически слабее, чем на самом деле. Все это делается не всегда с сознательным расчетом, а как-то инстинктивно. Ирония жизни здесь в том, что большая половина людей, прибавляющих себе лета и убавляющих силы, дошли до состояния еще более тяжелого, чем они хотят показать.

Но ничего притворного не было в голосе Фризоргера.

Каждое утро и вечер он неслышно молился, отвернувшись от всех в сторону и глядя в пол, а если и принимал участие в общих разговорах, то только на религиозные темы, то есть очень редко, ибо арестанты не любят религиозных тем. Старый похабник, милейший Изгибин, пробовал было подсмеиваться над Фризоргером, но остроты его были встречены такой мирной улыбочкой, что изгибинский заряд шел вхолостую. Фризоргера любила вся разведка и даже сам Парамонов, которому Фризоргер сделал замечательный письменный стол, проработав над ним, кажется, полгода.

Наши койки стояли рядом, мы часто разговаривали, и иногда Фризоргер удивлялся, по-детски взмахивая небольшими ручками, встретив у меня знание каких-либо популярных евангельских историй – материал, который он по простоте душевной считал достоянием только узкого круга религиозников. Он хихикал и очень был доволен, когда я обнаруживал подобные познания. И, воодушевившись, принимался рассказывать мне то евангельское, что я помнил нетвердо или чего я не знал вовсе. Очень ему нравились эти беседы.

Но однажды, перечисляя имена двенадцати апостолов, Фризоргер ошибся. Он назвал имя апостола Павла. Я, который со всей самоуверенностью невежды считал всегда апостола Павла действительным создателем христианской религии, ее основным теоретическим вождем, знал немного биографию этого апостола и не упустил случая поправить Фризоргера.

– Нет, нет, – сказал Фризоргер, смеясь, – вы не знаете, вот. – И он стал загибать пальцы. – Питер, Пауль, Маркус...

Я рассказал ему все, что знал об апостоле Павле. Он слушал меня внимательно и молчал. Было уже поздно, пора было спать. Ночью я проснулся и в мерцающем, дымном свете коптилки увидел, что глаза Фризоргера открыты, и услышал шепот: "Господи, помоги мне! Питер, Пауль, Маркус..." Он не спал до утра. Утром он ушел на работу рано, а вечером пришел поздно, когда я уже заснул. Меня разбудил тихий старческий плач. Фризоргер стоял на коленях и молился.

– Что с вами? – спросил я, дождавшись конца молитвы.

Фризоргер нашел мою руку и пожал ее.

– Вы правы, – сказал он. – Пауль не был в числе двенадцати апостолов. Я забыл про Варфоломея. Я молчал.

– Вы удивляетесь моим слезам? – сказал он. – Это слезы стыда. Я не мог, не должен был забывать такие вещи. Это грех, большой грех. Мне, Адаму Фризоргеру, указывает на мою непростительную ошибку чужой человек. Нет, нет, вы ни в чем не виноваты – это я сам, это мой грех. Но это хорошо, что вы поправили меня. Все будет хорошо.

Я едва успокоил его, и с той поры (это было незадолго до вывиха ступни) мы стали еще большими друзьями.

Однажды, когда в столярной мастерской никого не было, Фризоргер достал из кармана засаленный матерчатый бумажник и поманил меня к окну.

– Вот, – сказал он, протягивая мне крошечную обломанную фотографию – "моменталку". Это была фотография молодой женщины, с каким-то случайным, как на всех снимках "моменталок", выражением лица. Пожелтевшая, потрескавшаяся фотография была бережно обклеена цветной бумажкой.

– Это моя дочь, – сказал Фризоргер торжественно. – Единственная дочь. Жена моя давно умерла. Дочь не пишет мне, правда, адреса не знает, наверно. Я писал ей много и теперь пишу. Только ей. Я никому не показываю этой фотографии. Это из дому везу. Шесть лет назад я ее взял с комода.

В дверь мастерской бесшумно вошел Парамонов.

– Дочь, что ли? – сказал он, быстро оглядев фотографию.

– Дочь, гражданин начальник, – сказал Фризоргер, улыбаясь.

– Пишет?

– Нет.

– Чего ж она старика забыла? Напиши мне заявление о розыске, я отошлю. Как твоя нога?

– Хромаю, гражданин начальник.

– Ну, хромай, хромай. – Парамонов вышел. С этого времени, уже не таясь от меня, Фризоргер, окончив вечернюю молитву и улегшись на койку, доставал фотографию дочери и поглаживал цветной ободочек.

Так мы мирно жили около полугода, когда однажды привезли почту. Парамонов был в отъезде, и почту принимал его секретарь из заключенных Рязанов, который оказался вовсе не агрономом, а каким-то эсперантистом, что, впрочем, не мешало ему ловко снимать шкуры с павших лошадей, гнуть толстые железные трубы, наполняя их песком и раскаляя на костре, и вести всю канцелярию начальника.

– Смотри-ка, – сказал он мне, – какое заявление на имя Фризоргера прислали.

В пакете было казенное отношение с просьбой познакомить заключенного Фризоргера (статья, срок) с заявлением его дочери, копия которого прилагалась. В заявлении она коротко и ясно писала, что, убедившись в том, что отец является врагом народа, она отказывается от него и просит считать родство не бывшим.

Рязанов повертел в руках бумажку.

– Экая пакость, – сказал он. – Для чего ей это нужно? В партию, что ли, вступает?

Я думал о другом: для чего пересылать отцу-арестанту такие заявления? Есть ли это вид своеобразного садизма, вроде практиковавшихся извещений родственникам о мнимой смерти заключенного, или просто желание выполнить все по закону? Или еще что?

– Слушай, Ванюшка, – сказал я Рязанову. – Ты регистрировал почту?

– Где же, только сейчас пришла.

– Отдай-ка мне этот пакет. – И я рассказал Рязанову, в чем дело.

– А письмо? – сказал он неуверенно. – Она ведь напишет, наверное, и ему.

– Письмо ты тоже удержишь.

– Ну бери.

Я скомкал пакет и бросил его в открытую дверцу топящейся печки.

Через месяц пришло и письмо, такое же короткое, как и заявление, и мы его сожгли в той же самой печке.

Вскоре меня куда-то увезли, а Фризоргер остался, и как он жил дальше – я не знаю. Я часто вспоминал его, пока были силы вспоминать. Слышал его дрожащий, взволнованный шепот: "Питер, Пауль, Маркус..."

1954

Вариант 2

Сопоставительный анализ поэтических произведений

Н.С. Гумилев

Война

(М. М. Чичагову)

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед.

А «ура» вдали — как будто пенье
Трудный день окончивших жнецов.
Скажешь: это — мирное селенье
В самый благодный из вечеров.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.

Как у тех, что гнутся над сохою,
Как у тех, что молят и скорбят,
Их сердца горят перед Тобою,
Восковыми свечками горят.

Но тому, о Господи, и силы
И победы царский час даруй,
Кто поверженному скажет: «Милый,
Вот, прими мой братский поцелуй!»

1914

М.И. Цветаева

* * *

Белое солнце и низкие, низкие тучи,
Вдоль огородов – за белой стеною – погост.
И на песке вереницы соломенных чучел

Под перекладинами в человеческий рост.

И, перевесившись через заборные кольца,
Вижу: дороги, деревья, солдаты вразброд.
Старая баба – посыпанный крупной солью
Черный ломоть у калитки жует и жует...

Чем прогневили тебя эти серые хаты,
Господи! – и для чего стольким простреливать грудь?
Поезд прошел и завыл, и завывали солдаты,
И запыхал, запыхал отступающий путь...

Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше,
Чем этот жалобный, жалостный, каторжный вой
О чернобровых красавицах. – Ох, и поют же
Нынче солдаты! О Господи Боже ты мой!

1916